

УДК 821.161.1(051) + 070.1:327.2

Т. А. Снигирева
А. В. Подчиненов

СУДЬБА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)*

В статье рассмотрена история изменения формата и статуса русскоязычных журналов в инациональном геополитическом пространстве. Показано, что внутренняя целостность журнала, сумевшего осознать и выстроить свое направление, держится на трех проблемных блоках: нация — культура — диалог, связанных в сверхтекстовом единстве периодического издания ключевым для него словом «судьба». В журнальной практике это реализуется точным пониманием предназначения журнала: репрезентация прошлого и настоящего своей национальной культуры (функции сохранения, популяризации и культуртрегерства), вписывание литературы в общероссийский и мировой контекст (функция повышения культурного самосознания нации), публикация забытых имен русской культуры и современных журналу опальных русских и не только русских писателей и поэтов (функции сбережения и помощи).

К л ю ч е в ы е с л о в а: геополитика; журнал; национальная культура; постсоветское пространство.

Магистральные социокультурные стратегии и частные редакторские практики «толстого» литературно-художественного журнала нередко обусловлены форматом, рассмотренным с точки зрения его целевой аудитории в соотносённости с географической и/или национальной принадлежностью. Функция общероссийского, как правило, столичного журнала — репрезентация современного литературного процесса, открытие новых имен, сосредоточение внимания на основных литературных течениях и их оценка в соответствии с избранной журналом этико-эстетической позицией [11]. Региональный журнал не может себе позволить стать приверженцем какого-либо одного направления в литературе, его задача — консолидация литературных сил локального геополитического единства.

Наконец, русскоязычный, но инациональный журнал имеет особые черты, выработанные подобного типа журналами советской эпохи от «Даугавы» до «Литературной Грузии», от «Литературной Армении» до «Звезды Востока».

* Статья подготовлена в русле проекта РГНФ «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX–XX века» № 16-04-00118 а.

СНИГИРЕВА Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI вв. Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник сектора русской литературы Института истории и археологии УрО РАН (e-mail: tas0905@rambler.ru).

ПОДЧИНЕНОВ Алексей Васильевич — доцент кафедры классической литературы и фольклора Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, директор Издательства Уральского университета (e-mail: A.V.Podchinenov@urfu.ru).

© Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., 2016

В советскую эпоху они были связаны с весьма определенной задачей: собирание и продвижение на более широкий геополитический уровень, воспользуемся риторикой ушедшей поры, «лучших кадров национальной творческой интеллигенции». В традиции журнала советской эпохи практиковались главным образом два варианта: национальный журнал на родном языке и национальный журнал на русском, который был не только своеобразным переводным дублером, но и существенным дополнением, показывающим литературную ситуацию в максимальной полноте. Русскоязычный вариант национального журнала был востребован интеллигенцией, по крайней мере, по двум причинам: во-первых, он давал интересную информацию широкого культурного спектра (от анонсирования новых имен до специфических сведений этнографического, социально-политического, исторического характера), во-вторых, зачастую национальный журнал имел больше возможностей обхода цензуры и публиковал русских полуоपальных и опальных писателей, имена которых не могли появиться на страницах российских журналов.

Ныне в результате геополитических сдвигов ситуация коренным образом изменилась. По верному замечанию Г. Ермошиной, «литературная жизнь ближнего зарубежья, как сейчас называют бывшие республики бывшего Союза, для большинства российских читателей — “terra incognita”» [1, 232]. Автор точно обозначает то, что произошло с русскоязычным писателем и русскоязычным читателем в постсоветском пространстве: «Для старшего поколения на слуху остаются те писатели, чьи имена звучали в их молодости, а о том, что сейчас происходит в русскоязычной литературной среде в соседних странах, известно не так уж много. Контакты если и происходят, то на уровне личных взаимоотношений. Кое-где русская литература, русскоязычные авторы, да и вообще русский язык находятся если не под негласным запретом, то уж, во всяком случае, в сфере явлений нежелательных. Не переставая тем не менее существовать» [Там же]. Очерчено и то, как творческая интеллигенция пытается выйти из создавшейся ситуации: «Кто-то продолжает писать практически в пустоту, не надеясь быть замеченным в среде чужого языка и другой культуры, кто-то пытается искать пути выхода из сложившейся ситуации, выхода к своему читателю. И иногда это даже удается. Достаточно вспомнить общественный фонд “Мусагет” в Казахстане, при поддержке которого выходит и русскоязычный журнал “Аполлинарий”, и книги совсем молодых авторов, формируя литературную среду, которая уже довольно хорошо известна в России. Это и харьковский журнал молодых авторов “Союз писателей”, для которых важнее всего внутренняя свобода, и их голос услышан российскими читателями. В Узбекистане на сегодня единственным голосом русскоязычной литературы остается журнал “Звезда Востока”, чья долгая история полна неожиданностей, взлетов и падений» [Там же]. Заметим, что картина, обрисованная всего десять лет назад, существенно изменилась, и не в лучшую сторону. Более того, простая статистика свидетельствует о критичности ситуации. Так, например, рижский журнал «Даугава» выходил в Риге с 1977 по 2008 г. До 1990 г. он был ежемесячным, в дальнейшем стал выходить один раз в два месяца. Если его тираж в середине 1980-х гг. достигал 16 тыс. экземпляров, то в 2003 г. составил всего 500 экземпляров, и в конечном счете журнал прекратил

свое существование. «Радуга» — эстонский литературный журнал, пытавшийся модифицировать сообразно с изменившейся геополитикой журнал советских времен «Таллинн», стал издаваться с июля 1986 г. До 2006 г. существовала также версия на русском языке. Пик популярности «Радуги» пришелся на 1989–1990 гг., когда русскоязычная версия распространялась (в частности, по подписке) по всему СССР, а тираж достигал 30 тыс. экземпляров. Русскоязычная версия в последние четыре года перед закрытием (2002–2006) выходила тиражом всего 300 экземпляров.

В эссе-воспоминании «Их остается только трое... (русскоязычная пресса Литвы)» Нина Мацкевич, вспоминая работу латвийского журнала «Родник», показывает, как перестроечные журналы-двойники национальных советских журналов также становились все менее востребованными: «Сегодня русская пресса Литвы представлена немногими еженедельниками и одной ежедневной газетой, на девяносто с лишним процентов состоящей из переводов с литовского оригинала. <...> В независимость Литвы русские СМИ вступили бодро <...> интеллектуалы следили за новыми номерами литературных журналов “Вильнюс” (некогда — “Литва литературная”) и “Лад”. Связи с Россией рвались, поэтому редакторы публиковали многостраничные дайджесты российской прессы. <...> Постепенно рынок СМИ устоялся, с кабельными сетями вернулось российское телевидение, и потребность в перепечатках материалов российской прессы отпала. К тому же читателей становилось все меньше: по последним данным в Литве проживает лишь пять процентов русских» [10, 71].

В этом контексте показательна судьба национального журнала на русском языке «Литературная Грузия», некогда одного из самых авторитетных и ярких «оттепельных» журналов, который задумывался как советский ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Его появление «знаменовало, что негрузинский читатель отныне будет в курсе живого литературного процесса, ознакомится с новыми достижениями грузинского искусства и гуманитарной науки, а также с избранными образцами из классического наследия грузинской литературы» [4, 3].

«Литературная Грузия», как и все советские журналы, был органом Союза писателей. Первый номер журнала вышел в июне 1957 г. Главными редакторами журнала в разные годы были К. Лордкипанидзе, М. Мревлишвили, Г. Цицишвили, Г. Асатиани, Т. Буачидзе, Р. Миминошвили, З. Абзианидзе. Необходимо помнить, что в общепотепельную эпоху новый грузинский журнал вошел вместе с новым лирическим грузинским кинематографом, авангардным примитивизмом Пироманишвили, грузинским театром и музыкой.

Журнал «Литературная Грузия» неоднократно писал о своем направлении, которое так или иначе менялось за полувековую историю его существования, но при этом журналу всегда удавалось сохранять свое лицо. Первый номер издания открывается редакционным предуведомлением «О нашем журнале», составленном, казалось бы, из набора идеологических штампов советского журнала: «Рождение нашего журнала — новое свидетельство неустанной заботы партии и правительства о дальнейшем подъеме многонациональной советской

литературы, о повышении идейного и культурного уровня трудящихся, о развитии и укреплении дружбы народов СССР»; «Главная тема журнала — жизнь и труд нашего современника — строителя коммунизма» [5, 3] и пр. Однако, во-первых, в определении направления журнал сразу оговаривает свою специфику: «Наш журнал призван знакомить русского читателя со всем лучшим, что создает грузинская советская литература. Журнал будет публиковать произведения русских писателей, живущих и работающих в Грузии. Рядом с романами, повестями, рассказами и стихами мастеров прозы и поэзии мы широко покажем творчество талантливой молодежи. <...> Редакция привлекла к сотрудничеству в журнале квалифицированных переводчиков, которые, мы надеемся, смогут донести до русского читателя индивидуальные особенности и творческую манеру писателей Грузии» [Там же]. Во-вторых, сквозь треск идеологии прорывается дружески теплая интонация журнала, которая вскоре станет доминантной: «Мы надеемся, что у “Литературной Грузии” появятся многочисленные друзья — требовательные и взыскательные» [Там же]. И в-третьих, уже в первом номере журнала обнаруживается главная его стратегическая направленность и основной тактический ход: отдав необходимую дань идеологическим стереотипам, «Литературная Грузия» в основном тексте книжки представляет стихи Тициана Табидзе и Важи Пшавелы, в рубрике «Среди книг» предлагает рецензию М. Заверина на книгу стихов Михаила Квливидзе «Так пелось мне», а в рубрике «На разные темы» помещает заметку Г. Бебутова «К истории одного знакомства» (В. В. Маяковского с В. В. Канделаки). В двенадцатом номере за 1969 г. программа уже состоявшегося периодического журнала сформулирована более откровенно и четко: «“Литературная Грузия”, как всегда, уделит большое место критике и литературоведению, публицистике и взаимосвязям с братскими литературами, а также еще не опубликованному большому мемориальному наследию грузинских литераторов и тех отечественных и зарубежных писателей, чье творчество связано с Грузией» [6, 4, обл.]. Очевидно, что продуман и последовательно проводится принцип отбора материала и способы его презентации и оценки. На страницах журнала публикуются главным образом прозаики, поэты, ученые, связанные с Грузией, с ее историей, культурой, национальным своеобразием. Далее — русские писатели и представители науки, связанные с Грузией, занимающиеся проблемами литературы, культуры, этнографии, наконец, те, кто был «нежелателен» в российской периодике.

Внутренняя целостность журнала, сумевшего осознать и выстроить свое направление, держится на трех проблемных блоках: нация — культура — диалог, связанных в сверхтекстовом единстве периодического издания ключевым для него словом «судьба». В журнальной практике это реализуется точным пониманием предназначения журнала: репрезентация прошлого и настоящего культуры Грузии (функции сохранения, популяризации и культуртрегерства), вписывание литературы Грузии в общероссийский и мировой контекст (функция повышения культурного самосознания нации), публикация забытых имен русской культуры и современных журналу опальных русских и не только русских писателей и поэтов (функции сбережения и помощи). Так, в разные годы в журнале появляются имена классиков грузинской литературы (от Шота Руставели до Ильи

Чавчавадзе), причем это чрезвычайно профессиональные публикации в лучших переводах и с привлечением ведущих ученых с их глубокими филологическими разысканиями. Журнал щедро публикует переведенные на русский язык произведения авторов новых волн грузинской литературы от Н. Думбадзе, Т. Чиладзе до О. Чиладзе и Ч. Амирэджиби, О. Иоселиани, не забывая публиковать поэтов предшествующих лет — Г. Табидзе, Т. Табидзе, С. Чиковани. Одновременно с этими именами на страницах журнала постоянны имена Евг. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы, В. Леоновича, П. Нерлера, Ю. Мориц, О. Чухонцева, Ф. Искандера и др. Существенно расширили читательскую аудиторию смелые публикации из архива Б. Пастернака, О. Мандельштама, М. Булгакова, А. Ахматовой, М. Цветаевой, П. Флоренского, Н. Гумилева, К. Бальмонта. Наконец, в 1970-е гг. «Литературная Грузия» сумела опубликовать прозу Джеймса Джойса, а в конце 1980-х на страницах журнала появились произведения Г. Робакидзе и труды М. Мамардашвили.

А. Твардовский в программной для «Нового мира» статье «По случаю юбилея», ссылаясь на опыт «Современника» и «Отечественных записок», писал: «Есть особая действенная сила в совокупности журнального материала. В журнале происходит живое и столь выгодное сближение и взаимодействие художественной прозы, стиха, литературно-критической и публицистической статьи и т. д.» [12, 5]. Думается, редколлегия грузинского журнала учитывала программные тезисы журнала-лидера «оттепели». О внимании к двунаправленности издания (литературное и общественно-публицистическое) свидетельствуют его рубрикатор и постоянная редакционная работа над его составом. Основные рубрики журнала «Литературная Грузия» в 1950-е гг.: «Стихи, проза», «Очерки», «Литературная критика», «Публицистика», «Документы, письма, воспоминания», «Грузия на стройке», «Наши интервью», «Среди книг», «На разные темы», «За рубежом», «Страницы минувшего». В 1960-е гг. уходит рубрика «Грузия на стройке», появляются «Спорт», «Друзья о друзьях», «Хроника культурной жизни», «Вопросы эстетики и теории литературы», «Литературные взаимосвязи», «Встречи и воспоминания», «Ученые об ученых», «Наши публикации» и даже «Юмор». Как и все «толстые» журналы, «Литературная Грузия» в обязательном порядке дает юбилейные рубрики. Так, только за 1964 г. их было три: «К 150-летию со дня рождения Тараса Шевченко», «К 400-летию со дня рождения Шекспира» и «К 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова». Простое перечислительное сопоставление рубрик за чуть более чем десятилетие существования журнала, т. е. пору его становления и обретения своего направления, свидетельствует о тактике журнала — его стремлении к расширению и разнообразию общественно-политической составляющей с явным преобладанием социокультурного, национального компонента.

В соотнесенности с основными направлениями журналистики формировались задачи литературной критики как важнейшего элемента литературной ситуации и литературного процесса: целенаправленное воспитание художественного вкуса читателя; совершенствование художественного мастерства писателя путем тактичного и вместе с тем решительного выявления как достоинств, так и недостатков его творений; анализ и оценка современного литературного процесса.

Пожалуй, в одной из самых интересных рубрик журнала — «Свидетельствует вещий знак» — точно сформулированы эстетические принципы «Литературной Грузии», имеющие мало общего с общепринятой в то время формулой-определением характера «многонациональной советской литературы»: «национальная по форме, советская по содержанию». Выражая этико-эстетическую позицию журнала, Г. Маргвелашвили настаивает: «Вещий знак продолжает свидетельствовать все о том же — о содружестве поэтов, литератур и культур, о содружестве, ставшем естественным и уже закономерным воплощением процесса собственно творческого, универсальная многоликость которого не переходит в размытую безликость благодаря извечной и вековечной закваске индивидуально-самобытного начал любого художественного творчества» [9, 3].

В «Литературной Грузии» критике отданы традиционные рубрики «Литературная критика» и «Среди книг», но проблемы литературного свойства поднимаются и в других рубриках журнала: «Мастера грузинского искусства», «Документы, письма, воспоминания», «Трибуна писателя», «По страницам журналов и газет», «Жизнь выдающихся людей». Журнал быстро создал свою команду критиков, как грузинских, так и российских, разделяющих этико-эстетическую позицию издания. Назовем только несколько имен: Г. Маргвелашвили, М. Заверин, Л. Асатиани, Д. Стуруа, Г. Ломидзе, Ш. Абхаидзе, Т. Баучидзе, Ю. Суровцев, В. Шкловский, В. Чалмаев, В. Оскоцкий, Э. Маградзе, З. Абзианидзе.

Читательские письма, читательские отклики всегда являлись для журнала знаком того, что он выполняет главную гражданскую миссию — способствует раскрепощению национального и общественного сознания. Довольно быстро у журнала появляется «свой» читатель — тот же, что у «Юности» и «Нового мира»: думающий молодой человек, входящий в жизнь, и зрелый интеллигент, которые не только находят в «Литературной Грузии» новую, порой полузапретную информацию, но вступают с журналом в напряженный духовный и душевный диалог. Читатель ждет следующую книгу журнала по двум причинам: «продолжение следует» и следует продолжение давно начатого диалога журнала и читателя по важнейшим проблемам современной ему жизни. Знаком открытости журнала также могут служить анонсы содержания на будущий год: «В 1989 году журнал «Литературная Грузия» предполагает напечатать: прозаические произведения Григола Робакидзе «Енгед», «Защитники Грааля», «Змеиная кожа», Вахтанга Челидзе «Исторические хроники», а также произведения Ч. Амирэджиби, Г. Панджикидзе, Р. Джапаридзе, Р. Кобидзе, С. Пайчадзе, детективный роман Буало-Нарсежака «Среди мертвых». Стихи Ир. Абашидзе, Дж. Чарквиани, О. Чиладзе, Ш. Нишнанидзе, М. Мачавариани, М. Поцхишвили, Х. Берулава, П. Флоренского. Читателям будут предложены интересные публикации и критические статьи, освещающие актуальные проблемы современного литературного процесса, статьи из литературного наследия, неопубликованные письма...» [7, *авантитул*]. По мере роста затруднений в издании журнала в конце 1980-х и особенно в 1990-е гг. редколлегия оправданно пытается делать анонсы более оценочными, дабы показать читателю, что журнал на своих страницах продолжает создавать особую библиотеку «для своих», библиотеку «Литературной Грузии».

В «Литературной Грузии» было несколько главных редакторов, при каждом из них журнал, сохраняя свое направление, все же чуть менялся. Об этой общей этико-эстетической устремленности всех и несомненной индивидуальности каждого в 1997-м юбилейном для журнала году в номерах 7–12 в подборке «Наш главный редактор» пишут в своих статьях-портретах Гурам Гверцители (о Константине Лордкипанидзе), Георгий Цицишвили (о Михаиле Мревлишвили), Тамаз Натрошвили (о Гургаме Асатиани), Роман Миминошвили (о Тенгизе Буачидзе). В 40-летний юбилей журнал вспоминал своих главных при новом редакторе — З. Абзианидзе. И уже сам Заза Абзианидзе спустя десять лет подводит итог: «Итак, “первая пятилетка” в основном определила идеологические и художественные приоритеты журнала, которые, если и менялись, то уже в зависимости от предпочтений редактора и той “допустимой свободы”, которую завоевал тот или иной руководитель “Литературной Грузии”» [4, 4].

Вокруг журнала, имеющего свое направление, всегда собирается группа единомышленников: редактор, редколлегия, постоянные авторы, определенный состав критиков и т. д. Не случайно в общественно-литературном сознании периода «оттепели» возникают такие понятия, как «новомировцы», «новомировская критика», «новомировские авторы», «“Новый мир” Твардовского». То же можно сказать и о «Литературной Грузии». И утрата своего читателя — начало гибели журнала, что и произошло в какой-то степени с «Литературной Грузией» в 1990-е гг. В конце 1990-х стремление возобновить жизнь журнала заставило главного редактора З. Абзианидзе напрямую обратиться как к старому читателю, помнившему журнал периода расцвета, так и к новому, уже приученному к другому письму и другому чтению. Приведем обращение «К читателям» полностью, поскольку журнал «Литературная Грузия» после 1991 г. фактически стал недоступен для российского читателя: «Итак, после долгого интервала, выходит в свет обновленный номер “Литературной Грузии”. Думаю, это обновление касается не только нового редактора и новых имен в редколлегии и коллективе журнала.

Несколько слов о нашем видении места и роли “Литературной Грузии” на пороге XXI в.: для грузинского журнала на русском языке эта роль весьма специфична. В свое время “Литературная Грузия” сделала себе имя, познакомив русскоязычного читателя с наиболее яркими и смелыми образцами грузинской поэзии, прозы, эссеистики. Да и не только грузинской — многие произведения, годами придавленные прессом московской цензуры, впервые увидели свет в нашем журнале.

Каждый из нас, более или менее причастный к судьбам “Литературной Грузии”, помнит, какой ценой давались нам эти публикации, помнит и ту, разделяемую сотнями восторженных читателей радость литературных побед. Парадоксально, но период застоя стимулировал наш профессиональный пафос, а наступившая, столь желаемая демократия привнесла ряд сложнейших проблем.

Теперь, когда свободомыслием никого не удивишь — ни у нас, в Грузии, ни в России, “Литературная Грузия” может и должна сохранить свое доброе имя уже в условиях жестокой конкуренции с огромным количеством увлекательных, ярких и красочных периодических изданий.

Этот сегодняшний фон рождает соблазн увлечения “бульварщиной”, скандальными публикациями, подспудной заменой истинной литературы “паралитературой”.

Можно с уверенностью сказать, что “Литературная Грузия” в случае подобной метаморфозы будет недостойна своего имени. Трудные времена мы должны пережить, не изменяя своему призванию и нравственному облику, как бы это не отразилось на тираже и периодичности. Что касается периодичности, то исходя из наших реальных возможностей, предполагается, что со следующего года журнал будет выходить в квартал раз. Хотелось бы, чтобы он стал своеобразной “визитной карточкой” Грузии — у нас есть писатели, артисты, художники, которыми можно гордиться. Что до оформления, красочности журнала, то тут, конечно же, наши желания пока расходятся с нашими возможностями — единственный в Грузии русскоязычный общекультурный журнал и без цветных иллюстраций, без качественной полиграфии? Увы, до поры мы вынуждены мириться с этим.

Широкий ареал, отражающий не только литературную, но и художественную артистическую жизнь Грузии, постепенно должен превратить “Литературную Грузию” в действительно общекультурный журнал. Более того, грузинская инициатива духовного, политического и культурного единения Кавказа диктует нам расширить сферу наших интересов и, по мере сил, постоянно учитывать также и общекавказские факты культурной и общественно-политической жизни.

Конечно же, наша первейшая задача — широко представлять негрузинскому читателю грузинскую духовную жизнь — неизменна и, независимо от объективных трудностей, мы надеемся достойно продолжить эту благородную традицию “Литературной Грузии”» [8, 3–4].

В «Литературной Грузии» 90-х гг. происходит очевидное усиление политизированности, о чем свидетельствует появление рубрик открыто социального характера или рассчитанных на личную ответственность пишущего: «К трагическим событиям 9 апреля в Тбилиси», «Памяти погибших 9 апреля», «Трибуна писателя», «Личность и время», «Писатель и история», «Проблемы экологии», «Колонка редактора», «Точка зрения», «Письмо в редакцию», «Из блокнота журналиста», «Страницы истории», «Культура, нравственность, политика», «Реплика», «Обсуждаем острые проблемы» и т. д. Меняет журнал и своих учредителей. В девяностые — это Союз писателей Грузии, Институт грузинской литературы им. Ш. Руставели, Издательство «Литературная Грузия». Но попытки ответить на вызовы нового времени так и не спасли журнал. Если книжки «Литературной Грузии» в эпоху «оттепели» и «застоя» были образцами целостного произведения, прочитываемого «от корки до корки», и с безусловностью становились фактом литературного процесса советской эпохи в его оппозиционном варианте, более того, «Литературная Грузия» классического периода, периода своего расцвета была явлением не только грузинской культуры, но культуры поздней советской и частично постсоветской эпох, то в девяностые, тем более в «нулевые», постепенный уход журнала был замечен только творческой интеллигенцией. Ту же судьбу повторил журнал другой бывшей национальной республики. «Звезда Востока» — «толстый» советский литературно-художественный журнал Союза писателей

Узбекской ССР, позже СП Узбекистана. Он был единственным в республике периодическим литературным журналом, выходящим на русском языке. Это старейший журнал в Центральной Азии, основанный еще в 1932 г. В первой половине девяностых журнал находился, возможно, на высшей ступени своего развития. На страницах «Звезды Востока» публиковались не только наиболее яркие авторы Узбекистана, прежде всего, представители ферганской школы русского стиха, но поэты и прозаики из Москвы, Санкт-Петербурга. Тираж в 1991–1996 гг. доходил до 250 тыс. экземпляров. Однако в 1996 г. журнал был разгромлен в результате кампании в официальной узбекской прессе, все руководство было вынуждено подать в отставку, и на протяжении последующего десятилетия «Звезда Востока» никак не заявляла о себе в масштабах русской литературы. В 2006 г. журнал прекратил свою деятельность, однако возобновил ее в начале 2007 г. Тогда была предпринята кратковременная и безуспешная попытка восстановления журнала. В 2009 г. издание было реорганизовано: образована новая, объединенная и единая для двух журналов редакция («Звезда Востока» — «Шарк Юлдузи»). «Звезда Востока» стала частью единого двуязычного проекта, другой его частью был выходящий на узбекском языке журнал «Шарк Юлдузи» [2].

Подводя итоги размышлений о судьбе русскоязычных журналов в постсоветском пространстве, можно сказать следующее. В том виде, в котором он сформировался в советскую эпоху, литературно-художественный «толстый» журнал фактически прекратил свое существование. И не только из-за геополитических изменений. Существенную роль сыграли процессы, происходившие с литературой на рубеже XX–XXI вв. в рамках русскоязычного пространства: наступление рыночной экономики, превалирование масскультулы над элитарной культурой, доминирование визуальных видов искусства, развитие новых технологий и возможностей, приведших к диктату цифры, и т. д. Но, и это уже тренд 2010-х гг., постепенно восстанавливаются утраченные межличностные связи творческой интеллигенции, сохранившей традиции и память о продуктивности диалога культур (что не нуждается в господдержке). Новое поколение интеллектуалов-творцов ближнего зарубежья, ориентируясь на мировую литературу, в то же время понимает необходимость творческих контактов с Россией и начинает активно использовать возможности интернет-пространства для создания журналов нового типа [3].

1. Ермошина Г. Из глубины молчания. Звезда Востока: литературно-художественный журнал (Ташкент). 2007. № 3 // Знамя. 2008. № 6. С. 232–234.

2. Звезда Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ferghana.ru> (дата обращения: 25.04.2016).

3. Кукулин И. Фотография внутренностей кофейной чашки // Новое лит. обозрение. 2002. № 54. С. 262–382.

4. Литературная Грузия (1957–2007): юбил. сб. / сост. и ред. Заза Абзианидзе. Тбилиси, 2008.

5. Литературная Грузия. 1957. № 1.

6. Литературная Грузия. 1969. № 12.

7. Литературная Грузия. 1988. № 12.

8. Литературная Грузия. 1997. № 1–6.

9. *Маргвелаивили Г.* «Свидетельствует вещей знак» // Лит. Грузия. 1978. № 9. С. 3–7.
10. *Мацкевич Н.* Их остается только трое... (русскоязычная пресса Литвы) // Слово.ру: Балтийский акцент. 2010. № 1–2.
11. *Снигирева Т. А., Подчиленов А. В.* Судьба «толстого» журнала в России // Снигирева Т. А., Подчиленов А. В. Век девятнадцатый и век двадцатый: реальности диалога. Екатеринбург, 2008. С. 134–150.
12. *Твардовский А.* По случаю юбилея // Новый мир. 1965. № 1.

Статья поступила в редакцию 03.05.2016 г.

УДК 070.1(470.342) + 94(470)“1917” + 330.33(09)

А. В. Антошин
В. А. Антошин

ПРЕССА И БИЗНЕС НА УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. (на материалах Вятской губернии)

Статья посвящена особенностям взаимодействия прессы и бизнеса в Вятской губернии в 1917 г. Источниковой базой исследования послужили материалы архивов Кировской области, Удмуртии и Татарстана, а также региональная пресса. Авторы характеризуют различные методы, которые использовали предприниматели данного региона для отстаивания через СМИ своих интересов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Вятская губерния; пресса; бизнес; революция 1917.

Проблемы взаимоотношений бизнеса и СМИ относятся к числу весьма актуальных. Каким образом экономические элиты оказывают влияние на региональные СМИ? Как это сказывается на контенте? Ответы на эти вопросы часто ищут исследователи современных СМИ. Между тем эта проблема, бесспорно, не является новой. Подобные процессы происходили еще в дореволюционной России. Можно говорить как о формировании специфических деловых изданий («Коммерсант», «Биржевой курьер», «Коммерческий телеграф» и др.), так и о влиянии крупного бизнеса на редакционную политику ведущих ежедневных газет. Некоторые аспекты данной темы затрагивались и в работах современных уральских историков печати, в частности Л. Д. Ивановой [9].

Общие проблемы истории уральской прессы в условиях революции 1917 г. также уже освещались региональными исследователями. В советский

АНТОШИН Алексей Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: alex_antoshin@mail.ru).

АНТОШИН Валерий Алексеевич — кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург (e-mail: alex_antoshin@mail.ru).

© Антошин А. В., Антошин В. А., 2016